СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей
САМАРОВ

ИНОГДА ПУЛИ – КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Разработка серийного оформления
М. Левыкина

Самаров, Сергей Васильевич.
С17 Иногда пули — как снег на голову / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-699-87816-1

Разведывательный взвод спецназа ГРУ старшего лейтенанта Арзамасцева выслеживает место сбора террористических банд. Разведвзвод действует предельно скрытно, ничем не выдавая себя, так как цель — лишь собрать данные о местоположении базы бандитов. Но внезапно в дело вмешивается взвод спецназа внутренних войск, преследующий одну из мелких банд. Арзамасцев понимает, что «краповые» вот-вот сорвут всю тщательно подготовленную операцию. Перед командиром разведчиков теперь стоит крайне сложная задача: спасти товарищей по оружию и не выдать при этом своего присутствия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-87816-1

★

ПРОЛОГ

Поздняя осень, когда листва уже опала и обложила корни деревьев разноцветным ковром, но еще не выпал снег, и зима только грозится предъявлением своих прав, по традиции называется среди охотников «чернотропом». И это невзирая на то, какого цвета почва под сапогами или башмаками охотников, чернозем это или глина, или песок с камнями, или вообще нет тропы, протоптанной человеком, а есть только узкие звериные проходы в непролазных зарослях, часто перекрываемые поперек склоненными ветвями или даже стволами упавших деревьев. Но чем сложнее путь охотника, тем вожделеннее становится добыча.

Однако есть категория охотников, что в качестве добычи выбирают себе не зайцев, лис или енотов, а людей, которые и убегать умеют не хуже, чем зайцы, и прятаться, как хитрые лисы, и пасти оскаливают, как волки. И уме-

ют отвечать выстрелом на выстрел, очередью на очередь, да и выстрелить всегда стремятся первыми. Эта категория охотников обычно называется спецназом или попросту «волкодавами», а добычей для них становятся бандиты разных мастей, начиная от простых уголовников и кончая религиозными фанатиками с политическими амбициями, которые, в свою очередь, тоже не брезгуют принимать помощь от простых, не обремененных угрызениями совести уголовников. Сезон чернотропа «волкодавы» традиционно связывают по времени с уходом бандитов на зимние базы, где они надеются отсидеться и отлежаться до весны. Искать зимой банды в горах сложно, а порой и вообще невозможно. Если они засели там с основательным запасом продуктов и дров, то стараются не оставлять на снегу следов. И никто не скажет, где, в каком ущелье сидят. А ущелий-то этих в горах бессчетное количество. Только случайно, бывает, отыскиваются зимние базы, где бандиты дожидаются своего часа. Большинство же до конца зимы благополучно дотягивает. А это значит, что весной следует ждать какого-то мощного, неизвестно куда и откуда нанесенного удара, потому

что на зимовку собираются вместе несколько мелких банд, и один мощный удар они наносят еще до того, как разделятся. Удар, что называется, просто для разминки, чтобы свою силу почувствовать, перед тем как войти в боевой «полевой сезон». Но в то же время уничтожать бандитов легче, когда они собираются скопом. Все равно их силы в сравнении с силами того же спецназа немного значат, а уничтожить их вместе гораздо проще, чем потом отыскивать и уничтожать по отдельности несколько мелких банд, выныривающих в определенный момент из темноты и в темноту же уходящих. И каждый их нанесенный удар — это уже чья-то отнятая жизнь. Может быть, и не одна. Потому бандитов лучше ликвидировать как можно быстрее и как можно больше. А это уже само по себе значит, что чернотроп — это не только открытие сезона охоты на диких зверей, но и открытие сезона охоты на бандитов. Охотники берут путевки и лицензии в охотничьих хозяйствах, а спецназ получает задания командования...

— Смотри внимательнее, — приказал старший лейтенант Арзамасцев лежащему рядом с ним рядовому Аверьянову, прильнувшему

к окулярам бинокля. Внешне Аверьянов походил на изображаемого на карикатурах тридцатых годов прошлого века сельского кулака, поэтому получил во взводе прозвище «Кулачок», хотя о том, кто такие кулаки, большинство солдат имело достаточно смутное представление.

Отдав команду, командир взвода перевернулся, сполз на спине с каменной насыпи так, чтобы его невозможно было увидеть с противоположной стороны, и вытащил трубку своего смартфона для ответа на звонок. Определитель номера показал, что звонил комбат, подполковник Ослов.

— Старший лейтенант Арзамасцев. Слушаю вас, товарищ подполковник, — отозвался старший лейтенант и оглянулся на Аверьянова. Тот по-прежнему не отрывал бинокля от глаз, хотя командиру взвода показалось, что рядовой издал какой-то призывный звук. Но за звуком обязательно последовал бы или визуальный сигнал, или просто взгляд, или доклад по внутренней связи. А этого не было. Значит, можно разговаривать с комбатом без отвлечения. Тем более Ослов не любил, когда подчиненные и с ним беседуют, и одновременно еще что-то делают. Он был уверен,

что дело делается качественно только тогда, когда ему все внимание отдаешь.

Сам подполковник Ослов не то чтобы любил свою непривычную и вообще довольно редкую фамилию, но, по крайней мере, относился к ней с уважением, и, если кто-то его фамилии удивлялся или просто переспрашивал, возражал всегда одной и той же фразой:

— Есть же фамилия Козлов, и даже Медведев есть, и Зайцев, и Волков, Лисин и Барсуков. Почему не может быть фамилии Ослов? Чем она хуже других? Главное, чтобы по жизни ослом не стать, а остальное все — ерунда. Я так считаю.

Это говорилось обычно достаточно мягко, чтобы не заострять на фамилии внимание. Но твердо и настойчиво, с желанием показать свое право на собственное, не подлежащее изменению мнение.

Однако считать комбата «ослом по жизни» едва ли решился бы кто-то из офицеров или солдат батальона. Аркадий Николаевич был человеком серьезным и на службе, и вне ее, со всеми офицерами поддерживал хорошие деловые отношения и еще был большим специалистом рукопашного боя, за что пользовался

уважением солдат, ведь они рукопашный бой всегда ценили выше, чем любые другие боевые навыки.

— Как у тебя дела, Валентин Палыч?

— Намеревался вскоре вам с докладом позвонить, товарищ подполковник. Продолжаем работу. Наблюдали, как четверо вооруженных людей прошли со стороны гор в село. У всех за плечами большие, но пустые рюкзаки. За селом ведется наблюдение. Пытаемся определить, кто из местных снабжает бандитов. Я с малой группой разведки жду на подступах к горам, нужно определить обратный маршрут. Будем вести скрытное преследование. Предполагаем, в село бандиты войдут с наступлением темноты, потому посты снабжены приборами ночного видения. Моя разведгруппа тоже. Попытаемся их «проводить» до самого места. Незаметно. Координаты принимайте сразу с моего смартфона. Я дам обычный сигнал.

Эта система была в батальоне уже отработана. Смартфон в отличие от обычных телефонных трубок способен выдавать координаты своего местонахождения, и абонент на каком-то штабном компьютере способен их получить. Система сбоев не давала, если не давала сбо-

ев сотовая связь. И потому командиры взводов все имели не простые трубки, а смартфоны. Покупали их обычно на свои деньги, поскольку обеспечение офицеров подобными средствами связи не входит в армейский бюджет.

— Хорошо. Что нужно будет, докладывай. У меня в запасе пока еще есть два взвода. Сидят с автоматами в руках. Закажу на всякий случай вертолеты. При необходимости всегда смогу перебросить в помощь. Держу специально для тебя. Только сообщи... Звони в любое время суток. Ты же знаешь, как я в командировочном режиме сплю. Трубка всегда под ухом.

Старший лейтенант Арзамасцев знал это. Это была уже третья их совместная командировка. В двух первых отработали на «отлично», хотелось бы и в третьей отработать так же.

Комбат в этой командировке, как и в предыдущей, являлся еще и командиром отдельного сводного отряда спецназа ГРУ, составленного из бойцов трех разных бригад, и он же руководил операцией по поиску уходящих на зимовку бандитов. Причем это была лишь одна из двух одновременно проводимых отрядом операций. И даже не одним отрядом, потому что в поиске были задействованы и спецназ внутренних

войск, и спецназ полиции, и все под командованием подполковника Ослова. Вторая операция, насколько знал старший лейтенант Арзамасцев, проводилась под его же руководством совместно с пограничниками и внутривойсковиками и была направлена на пресечение попыток нескольких банд перейти границу, чтобы уйти на зимовку в Грузию и Азербайджан. О маршрутах передвижения бандитов существовали точные разведданные. Одновременное выполнение двух задач было возложено на спецназ ГРУ потому, что те и другие действия были между собой связаны, а все смежники спецназу только придавались в помощь по требованию командования операции.

— Если у тебя все, тогда — до связи, Валентин Палыч. Докладывай любые изменения.

— Понял. До связи, товарищ подполковник.

Старший лейтенант Арзамасцев отключился от разговора, сразу просмотрел пришедшее от сына sms-сообщение, написал, как обычно, однословный ответ «ок», показывая, что сообщение получил, сам жив и здоров, убрал трубку и стал взбираться на гребень к рядовому Аверьянову. Новая, недавно полученная экипировка «Ратник» позволяла это делать с боль-

шими удобствами, чем прежняя форма одежды. В первую очередь помогали пластиковые наколенники и налокотники, сберегающие те части тела, которые чаще других травмируются в горах среди камней. Старший лейтенант падать не собирался, он просто взобрался на откос насыпи, пользуясь сразу и коленями, и локтями, и на ходу вытащил свой большой бинокль с прибором ночного видения. Экипировка «Ратник» обеспечивала солдат двухканальными биноклями, работающими днем как обычный бинокль, а ночью с электронно-оптическими преобразователями.

Что касается безопасности, то она обеспечивалась сравнительно легким и, как говорили, более надежным, чем предыдущий, бронежилетом высшего, шестого класса защиты с керамическими пластинами, частично прикрывающими дополнительными элементами и руки, и бедра, и шею. Этот бронежилет выдерживал попадания небронебойных пуль автомата Калашникова калибра 5,45 и 7,62 миллиметра с пяти метров, а бронебойных пуль с десяти метров. Но бронежилет — это дело привычное, а вот голову спецназ ГРУ не привык прикрывать, банданы и вязаные шапочки предпочитая стандартным

каскам. «Ратник» требовал пересмотра привычек. На голову пришлось водрузить кевларовый шлем, не идущий ни в какое сравнение с обычной солдатской каской. Стальная солдатская каска была тяжела и неудобна, падала на глаза и била по шее, кевларовая же сидела на голове плотно за счет приспособлений подгонки и, помимо всего прочего, имела интегрированные наушники и микрофон, которые с помощью коммуникационной системы «Стрелец» обеспечивали связь внутри всего взвода.

Одним словом, такая экипировка вселяла уверенность в защищенности и позволяла смелее идти в бой, даже рисковать по мере необходимости.

А спецназу ГРУ ходить в бой приходится чаще, чем любым другим солдатам Российской армии. Разве что внутренние войска могут составить конкуренцию, но они не армия...

— Как дела? — буднично спросил командир взвода, поднявшись на самый верх.

— Тишина, товарищ старший лейтенант, — тихо ответил рядовой Аверьянов, опуская свой бинокль. — Пока никого не видно и не слышно.

— У меня то же самое, — подтвердил второй наблюдатель, ефрейтор Балушкин, занявший позицию по другую сторону большого валуна. — Тем же коленом под тот же подбородок. Никого и ничего. Только глаза от наблюдения устают.

— Это нормально и естественно. Пока и не должно быть никого видно и тем более слышно. Тем не менее наблюдение продолжаем. На всякий случай. Основное действие будет разворачиваться позже, но нам нужно заранее знать, если кто-то еще пожелает принять в нем участие. Банда вполне может выставить засаду в прикрытие своих снабженцев. Я бы на месте их эмира не был таким самоуверенным и выставил бы кого-то обязательно.

Рядовой Аверьянов снова приложил к глазам бинокль, всматриваясь в дальние и ближние предгорья. Ефрейтора Балушкина за камнем видно не было, но командир разведвзвода не сомневался, что он тоже прильнул к биноклю. Приказ продолжать наблюдение прозвучал вполне конкретно, и солдаты привыкли выполнять приказания своего командира безусловно.

Старший лейтенант включил переговорный режим своего коммуникатора «Стрелец»,